

- [Теодор Драйзер](#)
  -

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Теодор Драйзер

Негр Джеф

Редактор отдела происшествий поджидал одного из своих лучших репортеров, Элмера Дэвиса. Этот тщеславный и не лишенный самомнения молодой человек обладал тем складом ума, при котором жизнь воспринимается как некий предустановленный порядок, где все расписано и рассчитано заранее и за каждым поступком следует либо награда, либо наказание. Если делаешь то, что надо, тебе хорошо. А не делаешь, тебе плохо. Так называемые злые люди несут справедливое возмездие, так называемые добрые получают достойную награду. Возможно, впрочем, что дело тут было не в складе ума, а просто мистер Дэвис так часто слышал это в юности, что в конце концов сам в это поверил.

Репортер вскоре явился. Он был в новеньком весеннем костюме, в новой шляпе и новых ботинках. В петлице у него красовался букетик фиалок. Стрелка часов показывала час пополудни, был ясный солнечный день, и молодой человек чувствовал себя как нельзя лучше. Он был в самом благодушном настроении — весел и свеж как огурчик. Он находил, что мир прекрасен и вполне достоин того, чтобы воспеть ему хвалу.

— Вот, прочтите-ка это, Дэвис, — сказал редактор, подавая ему вырезку. — Потом я скажу, что мне от вас нужно.

Стоя возле редакторского кресла, репортер прочитал:

«Счастливая Долина, Коннектикут, 16 апреля. Только что получено известие о совершенном здесь зверском преступлении. Негр Джеф Инголс изнасиловал Аду Уитекер, девушку девятнадцати лет, дочь зажиточного фермера Моргана Уитекера, усадьба которого находится в четырех милях отсюда. Снаряжена погоня под предводительством шерифа Мэтьюса. Если негра поймают, возможно линчевание».

Дочитав до конца, репортер поднял глаза. Какое ужасное преступление! Бывают же мерзавцы! Конечно, такую тварь нужно линчевать — и без всяких разговоров!

— Поезжайте туда, Дэвис, — сказал редактор. — Пожалуй, будет интересный материал. Суд Линча в здешних местах — это сенсация. У нас

в штате такого еще не бывало.

Дэвис улыбнулся. Он всегда радовался, когда его посылали за город. Это значит, что его ценят. Другим редко дают такие ответственные поручения. И как приятно будет проехаться!

Однако немного погодя, когда он вышел из редакции, его стали одолевать невеселые мысли. Ведь, того и гляди — это явствовало из слов редактора, — ему самому придется быть свидетелем линчевания! А это уж далеко не так приятно. В его кодексе наград и наказаний не было специального параграфа, предусматривающего суд Линча даже за самые тяжкие преступления, а тут еще надо будет все это видеть своими глазами. Нет, как хотите, а это слишком жестокая кара. Как-то раз ему пришлось, тоже по обязанности репортера, присутствовать при повешении, и тогда ему стало дурно, по-настоящему дурно, а ведь то был легальный акт, исполнение закона, одобренного его страной и согласного с воззрениями того времени. Теперь, глядя на яркое солнце и на свой элегантный костюм, он уже не находил столь лестным данное ему поручение. С какой стати ему всегда подсовывают такие дела? Потому что он умеет писать? Как будто больше некому! Слава богу, в редакции довольно народу. Впрочем, есть еще надежда — так утешал он себя, идя по улице, — что все обойдется: негра арестуют и посадят в тюрьму, и дело с концом. Ну, а не обойдется — как ни грустно об этом думать, — так, может быть, к тому времени, когда он приедет, все уже будет кончено. Посмотрим: телеграмма была подана в девять, сейчас половина второго; пока он доедет, будет три. Времени у них достаточно, а затем, если все сойдет благополучно — или неблагополучно, — он расспросит очевидцев о преступлении и о... дальнейшем и уедет. Но даже одна мысль о линчевании повергала его в тревогу, и чем дальше, тем меньше все это ему нравилось.

Счастливая Долина оказалась крохотной деревушкой: полсотни домов, приклеившихся к невысоким зеленым склонам; лавка и трактир — так сказать, торговая часть — и несколько разбегающихся в беспорядке улочек. Здесь жили два или три купца из К. — города, откуда сейчас приехал Дэвис, — но в остальном это было настоящее захолустье. Дэвис залюбовался белизной домиков, сияющей прелестью речки, через которую надо было переехать по пути со станции. На углу, возле типичного деревенского трактира, околачивалось несколько мужчин. Дэвис направился к ним, в расчете, что тут можно будет узнать все новости.

Присоединившись к этой компании, он не сказал сразу, что он репортер, — боялся, что это помешает им разговаривать и держаться непринужденно. Все они, видимо, были возмущены преступлением и тем,

что оно до сих пор остается безнаказанным; все жаждали сильных ощущений — всем хотелось что-то сделать. Такого случая взвинтить себя и дать выход своим животным инстинктам им, наверное, не представлялось уже много лет. Дэвис выпросил у них подробности покушения: где оно совершилось, где живут Уитекеры. Потом, убедившись, что, кроме пустой болтовни, ничего тут не услышишь, Дэвис ушел. Не повидаться ли самому с пострадавшей? О ней ему пока что ничего толком рассказали, а что-то знать о ней нужно. Дэвис отыскал старика, который держал конюшню, и взял у него под верх лошадь — экипажа никакого достать не удалось. Дэвис был не бог весть какой наездник, но кое-как справился со своим конем. Уитекеры жили недалеко от деревни — всего в четырех милях; и немного спустя Дэвис уже стоял на крыльце небольшого дома, расположенного чуть-чуть в стороне — футах в ста от ухабистой проселочной дороги, и стучал в дверь.

Ему открыла высокая костлявая женщина.

— Я из «Таймса», — заявил он, стараясь говорить самым внушительным тоном. Кто их знает, как они встретят репортера, — может быть, любезно, а может быть, и нет. Потом он спросил, с кем имеет честь говорить — с миссис Уитекер? А как себя чувствует мисс Уитекер?

— Ничего, — ответила женщина. Она держалась очень сурово, хотя в ней и сквозила подавленная тревога. Спартанский характер! — Заходите. У нее небольшой жар, но доктор говорит, что это пройдет. — Она умолкла.

Дэвис последовал приглашению и вошел. Ему хотелось повидать девушку, но, по словам матери, доктор дал ей снотворного, и сейчас она спала, — и Дэвис не решился настаивать.

— Когда это случилось? — спросил он.

— Сегодня утром, около восьми, — ответила женщина. — Она пошла тут к соседям, к Эдмондсам, а этот негр встретился ей на дороге. Мы и не знали ничего... Вдруг, вижу, вбегает, перепуганная, вся в слезах... И упала без чувств вот тут, в комнате.

— Вы первая ее увидели?

— Да, только я одна и была дома. Мужчины все уехали в поле.

Дэвис еще расспросил ее о подробностях — что за человек этот негр, откуда он взялся. Наконец он встал, собираясь уходить. Перед уходом ему позволили взглянуть на девушку, которая все еще спала. Она была совсем молоденькая и недурна собой. Во дворе Дэвис встретил какого-то мужчину — это был местный житель, пришедший узнать, как дела у Уитекеров. Он еще кое-что рассказал Дэвису.

— Теперь к югу отсюда ищут, — сказал он. Он имел в виду одну из

групп, выехавших в погоню. — Попадись он им только, с ним живо расправятся. А далеко ему не уйти, пешком-то. Шериф тоже поехал, с понятными. Думает перехватить негра да отвезти его в целости и сохранности в Клейтон, ну, навряд ли ему удастся, разве только сам его поймают.

«Так, — подумал Дэвис, — значит, присутствовать при линчевании, пожалуй, все-таки придется. Какая неприятность!»

— Где жил этот негр? Неизвестно? — хмуро спросил он; возложенное на него поручение все больше его тяготило.

— Да тут, близехонько, — ответил фермер. — Его зовут Джеф Инголс. Мы все его отлично знаем. Он тут на фермах работал, то на одной, то на другой, и ни в чем плохом не замечен, только что выпить любил. Мисс Ада его узнала. Езжайте прямо до первого перекрестка, потом направо. Увидите бревенчатую хибарку, немного в стороне от дороги, вроде той, что вон там стоит на проселке, только у Инголсов кругом стружки накиданы.

Дэвис решил было сразу отправиться туда, потом передумал. Становится поздно. Пожалуй, лучше все-таки вернуться в деревню. Там, может быть, уже что-нибудь известно о шерифе и о результатах погони.

Снова он сел в седло и поехал обратно в деревню; там он вернул лошадь владельцу, втайне надеясь, что все уже кончено и что он сейчас об этом услышит. Но на том же углу околачивалась та же самая компания, все так же споря, жестикулируя, негодуя. Тут, по-видимому, были участники поисков, происходивших раньше, в первую половину дня. «Что же они делали с тех пор?» — подумал Дэвис и решил рассказать им о своей поездке к Уитекерам и обо всем, что он узнал о здоровье девушки и о намерениях шерифа; это поможет ему разговориться с ними.

В эту минуту к стоявшим на углу подскакал верхом молодой фермер. Он был без куртки и без шапки.

— Поймали! — еле переводя дух, крикнул он. — Поймали!

— Где? Кто? Когда? — закричали все хором, окружая всадника.

— Мэтьюс поймал! У него дома! — ответил тот, вынимая платок и отирая лицо. — Что-то ему, видно, дома понадобилось. Мэтьюс, наверно, его в Клейтон повезет, только кто же ему позволит! Наши уже поскакали за ним вдогонку, а он заявил, что пристрелит первого, кто попробует отбить негра.

— Куда он поехал? По какой дороге? — раздались крики из толпы. Все засуетились, словно уже готовясь к нападению.

— Через Селлерс Лейн, — ответил всадник. — Наши думают, что он поедет по дороге на Болдуин.

— Ату его! — заревел один из слушателей. — Отобьем, отобьем. Ты поедешь, Сэм?

— А как же, — откликнулся другой. — Дай только за лошадью сбегаю.

«Боже мой! — мелькнуло в голове у Дэвиса. — Это выходит — я буду участвовать в линчевании? Зритель поневоле!»

Однако он не стал мешкать и тоже побежал за лошадью. Ясно было, что толпа вот-вот пустится в погоню. Тут можно будет кое-что узнать, а пожалуй, и увидеть.

— Что там творится? — спросил хозяин конюшни, когда перед ним предстал взволнованный Дэвис.

— Погоня, — возбужденно ответил тот. — Шериф его поймал. А здешние хотят отбить. Шериф повезет его в Клейтон по Болдуинской дороге. Я тоже хочу попасть туда, если удастся. Дайте мне опять лошадь, а я вам приплачу два доллара или сколько там нужно.

Хозяин вывел лошадь и напутствовал Дэвиса пространной речью о том, как бережно с ней надо обращаться и какие кары ему грозят, если он этого не сделает. Лошадь ему дается только до полуночи. Если нужна будет и после, пускай достает где хочет или вернется сюда и возьмет другую. Дэвис поспешил согласиться на все условия. Затем вскочил в седло и уехал.

Когда он вернулся на угол, многие из тех, что побежали за лошадьми, были уже готовы к отъезду. Молодой фермер, привезший новости, давно ускакал оповещать других.

Дэвис выждал, пока они тронутся. А затем по самой живописной местности, какую только можно представить, через горы и доли, по вьющейся дороге, где на каждом повороте открывались прелестные виды, началась бешеная скачка. Репортер был так расстроен трагическим оборотом событий, что не обращал внимания на окружающие его красоты, — он только заметил, что места, кажется, действительно живописные. Смерть! Смерть! Близость чужой смерти, насильственной и неотвратимой, — вот что заполняло его мысли.

Примерно через час участники погони завидели на дороге шерифа. Он ехал в повозке, которую успел достать где-то в поселке. Кроме него, в повозке были еще двое. Сам он сидел на задке, лицом к преследователям, с револьвером в каждой руке; увидев его, всадники придержали лошадей и теперь ехали следом, на почтительном расстоянии. Несмотря на общее возбуждение, пока еще ни у кого не было охоты ввязываться в открытую стычку с представителем закона.

— Негр там, в повозке, — проговорил кто-то. — Видишь, лежит связанный?

Дэвис поглядел.

— Ага! — отозвался другой. — Теперь вижу.

— Забрать его у них, — сказал третий, ехавший впереди, — да и повесить! Вот что мы должны сделать. Что заслужил, то и получит! Без этого не вернемся.

— Как бы не так! — крикнул шериф, который, очевидно, расслышал эти слова. — Никого вы не повесите. Ступайте-ка лучше по домам. — Появление всадников его как будто ничуть не испугало.

— Где старик Уитекер? — спросил один из преследователей, должно быть, чувствуя, что им нужен предводитель. — Он бы его живо вытащил!

— Он с теми, что поехали на Олни.

— Надо его известить.

— Кларк уже поскакал, — успокоил другой, видимо, не терявший надежды на худшее.

Дэвис ехал вместе с остальными, его терзали странные и противоречивые чувства. Он был очень взволнован и вместе с тем подавлен, его угнетала мысль об этой толпе, об этих людях, которые явились сюда, побуждаемые главным образом любопытством, однако если их раззадорить — а это мог сделать всякий, — то они окажутся способны и на убийство. Не столько в каждом было отваги, сколько желания позаимствовать отвагу у других, слить разрозненные силы и воли в одну общую силу и волю, достаточную для того, чтобы одолеть шерифа и предать смерти человека, которого он защищал. Все это было очень странно, почти непостижимо, и все же это было так. Преследователи явно побаивались шерифа. Все считали, что надо что-то предпринять, но никому не хотелось лезть на рожон.

Мэтьюс, рослый, степенный человек со строгим смуглым лицом, одетый в потертый костюм, с полинялой коричневой шляпой на голове, равнодушно смотрел, как растет толпа преследователей. Судя по всему, он решил до конца выполнить свою обязанность — отстоять арестанта и предотвратить самосуд. Если понадобится стрелять, ну что же, он станет стрелять, а уж выстрелит, так уложит на месте. Под конец, видя, что никто из вновь прибывших не бросается на него, а все плетутся сзади, как телята, он вздумал припугнуть их.

— Останови-ка на минутку! — сказал он своему вознице.

Тот натянул вожжи. Всадники тоже придержали коней. Тогда шериф поднялся на ноги и, стоя над простертым на дне повозки негром, закричал:

— Эй вы! Убирайтесь-ка отсюда! Ну, живо! Нечего за мной таскаться!

— Без негра не уйдем! — крикнул кто-то с вызовом, но еще довольно

миролюбиво.

— Даю вам две минуты, чтобы очистить дорогу, — грозно скомандовал шериф, вынул часы и посмотрел на циферблат. Преследователи были шагах в ста от повозки. — А не очистите сами, так я вам помогу!

— Отдай нам негра!

— А, это ты, Скотт, — откликнулся Мэтьюс, узнав кричавшего по голосу. — Вот я вас завтра всех переарестую. Помяните мое слово!

Все молчали; слышно было только, как лошади переминаются и грызут удила.

— Мы в своем праве, — отозвался один из толпы.

— Я вас предупредил, — сказал шериф, спрыгивая с повозки. Он сделал шаг вперед и поднял револьверы. — Считаю до пяти. Потом стреляю!

Он сделал еще шаг; вид у него был очень решительный — и толпа подалась назад.

— Ну! Поворачивайте! — закричал он. — Раз, два...

Все разом повернули и поскакали прочь, Дэвис вместе с остальными.

— Мы вернемся, когда он опять поедет, — сказал кто-то, словно оправдываясь.

— Конечно, не будет же он век стоять, — сказал другой. — Пусть только немножко отъедет.

Шериф опять сел в повозку, и она тронулась. Однако он, видимо, понимал, что его не послушают и что времени терять нельзя. Повозка неслась во весь опор. Удрать от них или хоть опередить — тогда, быть может, удастся к утру добраться до Клейтона, за крепкие тюремные стены. Но преследователи не отставали, пришпоривая лошадей.

— На Болдуин поехали, — сказал кто-то из той компании, с которой приехал Дэвис.

— А это где? — спросил он.

— К западу, мили четыре отсюда.

— Зачем он туда поехал?

— А он там живет. Думает, ему дома легче обороняться будет, пока не приспеет подмога из Клейтона. Небось, еще ночью попробует негра туда сбегать. А уж утром-то как пить дать.

Дэвис усмехнулся его произношению. Да и эти простецкие словечки всегда его забавляли.

И все же преследователи медлили, не зная, что делать. Они старались не терять Мэтьюса из виду, но их сковывала трусость. Никому не хотелось

открыто восставать против закона. Все понимали, что не их дело вешать преступника, но каждый думал про себя, что хорошо бы его все-таки повесить и очень интересно было бы на это поглядеть. Поэтому они старались не отставать и быть под рукой на тот случай, если появятся старик Уитекер и его сын Джейк, которые сейчас разыскивали негра где-то в другом месте. Всем хотелось посмотреть, что сделают отец и брат девушки.

Затруднение разрешил один из преследователей, который сказал: почему бы не проехать в Болдуин другим путем, сперва назад в Счастливую Долину, а потом проселком через Сэнд-ривер? Кстати, может быть, попадется по дороге старик Уитекер с сыном, а не то можно оставить ему весточку на ферме. Эта дорога короче, чем та, по которой поехал шериф; в Болдуин он, конечно, доберется раньше них, но, если он вздумает ехать дальше, в Клейтон, они его нагонят. Дорога на Клейтон проходит через Счастливую Долину, и где-то там или поблизости его легко будет перехватить. Оставив двоих следить за шерифом, чтобы поднять тревогу в том случае, если он прямо отправится в Клейтон, остальные, в том числе Дэвис, помчались по направлению к Счастливой Долине. Уже темнело, когда они прискакали туда и остановили коней на углу возле трактира. Близилось время ужина, во всех домах над трубами вился дымок, и рьяность преследователей внезапно ослабела. Видно, шериф перехитрил их, по крайней мере на эту ночь. Моргана Уитекера, отца девушки, так и не нашли, Джейка тоже. Не поужинать ли пока что? Двое или трое уже под шумок ускользнули.

Приехавшие толклись на углу, рассказывая новости одному из двух хозяев, державших трактир, как вдруг галопом прискакал Джейк Уитекер, брат девушки, в сопровождении еще нескольких всадников. Они были все в поту, усталые и разгоряченные, — они обыскивали окрестность к северу от города и о том, что произошло без них, ничего не знали.

— Шериф его поймал! — закричал кто-то из той компании, с которой ездил Дэвис; он выкрикнул это на самых пронзительных нотах: так в деревне всегда возвещают важные новости. — В Болдуин его повез, в повозке, час либо два назад.

— По какой дороге? — спросил Джейк. Его статная фигура в поношенном, но ловко сидевшем на нем костюме и шляпе набекрень живописно освещалась то с одного, то с другого бока, пока он вертелся в толпе верхом на лошади.

— Через Селлерс Лейн. Но ты его не догонишь, Джейк. Он уже, наверно, далеко. Поезжай наперерез.

Теперь сцена оживилась. Все кричали наперебой. Один сообщал о поимке негра, другой — об угрозах шерифа, третий — о том, что за шерифом и сейчас двое едут следом, а другие караулят его на перекрестке, пока, наконец, все не было рассказано, хотя, быть может, и не все услышано.

Об ужине все тотчас позабыли. Еще раз опрокинулся обычный порядок вечера. Снова началась скачка через горы и доли по живописным местам между Болдуином и Счастливой Долиной.

Но Дэвису уже надоело трястись в седле, да и все, вместе взятое, ему порядком наскучило. Когда же наконец, думал он, наступит развязка, если она вообще наступит? А ведь надо еще написать! Драматический материал? Возможно! Но нельзя же тратить бог весть сколько времени, гоняясь за одной только возможностью. И все же напряжение этой минуты было таково, что он не решался отстать. По контрасту с тем ужасом, который ждал их впереди, красота ночи — теперь Дэвис ее воспринимал — казалась такой пленительной, что щемило сердце. В небе зажигались звезды. Словно желтые глаза, мигали далекие лампы в окнах домишек в лощинах и на склонах холмов. Воздух был мягкий и теплый. Где-то вдали кричали павлины, и на востоке уже поднималась золотая луна.

Все ехали молча — Джейк впереди, за ним еще человек двадцать. Ни разговоров, ни шуток; в сумерках с этим предводителем все выглядело весьма зловеще. Чувствовалось, что Джейк, молча скакавший в голове отряда, не помирится на меньшем, чем смерть негра. Друзья Джейка ехали сзади на некотором расстоянии — из уважения к его чувствам.

Через час в котловине, среди невысоких холмов, показался Болдуин. Там уже ласково мерцали огни, словно говоря об уюте домашних очагов, о веселом ужине, соблазняя проголодавшегося Дэвиса. Но он сейчас ни о чем не думал, кроме этой погони.

В деревне всадников встретили окликами и приветствиями. Все уже знали, зачем они приехали. В десять голосов им объяснили, что и шериф, и арестованный еще здесь. Кучка зевак, с местными лавочниками во главе, поплелась за всадниками к дому шерифа; вся процессия двигалась теперь медленным, торжественным шагом.

— Наверяд ли вы его добудете, — сказал им молодой человек лет двадцати пяти или тридцати, стоявший на пороге одного из домов, мимо которых они проходили. Это был, как позже узнал Дэвис, местный почтмейстер, он же телеграфист, по фамилии Сиви. — Шериф-то ведь не один, с ним двое понятых, во всяком случае, недавно они там были. Говорят, он собирается отвезти негра в Клейтон.

На ближнем углу к ним примкнуло еще несколько человек — те, что остались следить за шерифом.

— Хотел было от нас улизнуть, — с жаром принялись они рассказывать, — да не вышло! Сейчас негр у него в доме, в погребе запрятан. Понятых с ним нет. Поехали куда-то за подмогой, верно, в Клейтон.

— Откуда вы знаете?

— А мы видели, как они пробирались задами. Наверно, это они были, кому же еще!

Шагов за сто от белого домика, прильнувшего к распаханному косогору, все остановились и начали совещаться. Джейк объявил, что прямо подойдет к двери и потребует, чтоб шериф выдал им негра.

— А не выдаст, так я выломаю дверь и сам возьму! — сказал он.

— Правильно! Мы за тебя постоим, Уитекер, — поддержали остальные.

К этому времени толпа уже сильно возросла. Вся деревня была на ногах, на единственной ее улице кишел народ. Из окон и дверей высовывались головы. Всадники с воинственными криками гарцевали по улице. Раздалось несколько револьверных выстрелов. Еще мгновение — и толпа сгрудилась у ворот шерифа, а Джейк выступил вперед. Однако, вместо того чтобы идти прямо к крыльцу, он остановился в воротах и окликнул шерифа:

— Эй, Мэтьюс!

Толпа загомонила.

Джейк снова крикнул. Но шериф не отзывался. По-видимому, он считал, что проволочка времени для него самый верный, да, пожалуй, и единственный способ обороны.

Однако их прибытие не застало его врасплох. Можно было разглядеть, что он стоит, притаившись за одним из окон. В руках он что-то держал, как будто двустволку. Негр, как потом выяснилось, в это время сидел в погребе, забившись в угол, стуча зубами, и, должно быть, прислушивался к выстрелам и крикам на улице.

Внезапно, в ту самую минуту, когда Джейк хотел шагнуть вперед, дверь распахнулась, и в ее пролет, озаренный изнутри светом лампы, выдвинулось сперва двойное дуло, а затем фигура шерифа, державшего ружье наготове, так, чтобы его можно было мигом вскинуть к плечу. Все, кроме Джейка, попятились.

— Мистер Мэтьюс, — решительно сказал Джейк, — мы требуем негра!

— Откуда я его вам возьму? — ответил шериф. — Его здесь нет.

— А зачем же вы с ружьем? — выкрикнул кто-то.

Мэтьюс ничего не ответил.

— Отдай его нам, Мэтьюс! — крикнул кто-то другой, чувствуя себя в безопасности среди толпы. — А не то сами возьмем.

— Ничего вы не возьмете, — с вызовом ответил шериф. — Сказано вам, что его тут нет. А хоть бы и был, все равно. В дом я вас не пущу. Ступайте лучше подобра-поздорову, если не хотите нажать неприятности.

— Он в погребе! — закричал кто-то.

— Пустите нас поглядеть, — поддержал другой. — Почему вы не пускаете?

Мэтьюс поднял ружье чуть повыше.

— Расходитесь-ка по домам, — сказал он тоном предостережения. — А то плохо будет. Предупреждаю: все сядете в тюрьму.

Толпа кипела и волновалась, а Джейк все стоял на месте. Он был очень бледен и весь натянут, как струна, но у него не хватало решимости.

— Да ни за что он не выстрелит! — крикнул кто-то сзади. — Не посмеет! Иди, Джейк! Иди и заведи негра!

— Конечно! Бегом! Раз — и готово! — подбодрил другой.

— Не посмею? — переспросил шериф. Потом ровным голосом прибавил: — Кто первый войдет в ворота, за все ответит.

Но входить никто и не подумал, наоборот — многие отступили еще дальше. Казалось, задуманное нападение так и не состоится.

— А если задами пройти? — спросил кто-то.

— Попробуйте! — ответил шериф. — Увидите, что там для вас припасено! Я сказал, что не пущу вас в дом. Так лучше уходите сейчас, не то быть худу. В дом вы все равно не войдете, — повторил он, — а пулю кто-нибудь получит.

В толпе стали переговариваться и отпускать шуточки, а шериф молча стоял на страже. Все это зубоскальство, угрозы и жажда убийства, казалось, его нимало не трогали. Он только не спускал глаз с Джейка, от действий которого зависело поведение толпы.

Время шло, а нападающие все топтались в воротах. У Джейка, несмотря на его заносчивость, в нужную минуту не хватило мужества; он чувствовал, что толпа за его спиной — плохая для него поддержка. Он был все равно что один, ибо как предводитель не внушал людям доверия. В конце концов он отступил, проговорив:

— Ладно, ладно, до утра мы его все равно выцарапаем.

И толпа тотчас стала расходиться: кто побрел домой, кто в лавку, а кто

задержался возле почты и единственной в деревне аптеки. Дэвис усмехнулся и тоже пошел прочь. Теперь он знал, что ему писать: это будет рассказ об укрощении толпы. Героем будет шериф. Надо потом взять у него интервью. А сейчас необходимо найти этого Сиви, телеграфиста, и послать телеграмму, а после где-нибудь раздобыть еды.

Телеграфиста он скоро нашел и объяснил, что от него требуется: он, Дэвис, напишет корреспонденцию, и нужно будет передать ее по телеграфу — передавать без задержки, по мере того, как он будет писать. Сиви указал ему стол в своей маленькой почтовой конторе, она же телеграфное отделение: тут он может сесть и писать, никто ему не мешает. Узнав, что Дэвис из «Таймса», он преисполнился почтения к нему и, когда тот спросил, нельзя ли достать чего-нибудь поесть, сказал, что сам сбегает через улицу в единственный в деревне трактир и велит хозяину прислать ужин, так чтобы Дэвис мог подкрепиться, не отрываясь от работы. Его, видимо, разбирало любопытство поглядеть, как это репортер будет тут же сочинять и передавать по телеграфу свое сочинение.

— Начинайте, — сказал он, — а я сейчас вернусь и посмотрю, не удастся ли соединиться с «Таймсом».

Дэвис уселся и принялся за дело. Ему хотелось все изобразить в ярких красках: суматоху и колебание толпы и очевидную победу шерифа. Мужество шерифа явно взяло верх, и все это было так живописно. «Предотвращенный суд Линча», — начал он, а когда кончил страницу, почтмейстер, который уже успел вернуться, взял ее и стал разбирать.

— Хорошо, — сказал он, прочитав до конца. — Теперь попробую соединиться с «Таймсом».

«Очень любезный почтмейстер», — мысленно отметил Дэвис, продолжая писать. Но он так привык встречать любезных и предупредительных людей во время своих поездок, что скоро перестал об этом думать.

Принесли еду, и Дэвис, не выпуская пера из рук, стал ужинать. Он писал и жевал одновременно. Наконец «Таймс» ответил на повторные вызовы.

«Дэвис из Болдуина, — отстучал почтмейстер. — Готовьтесь принять целый роман».

«Валяйте», — ответили из «Таймса»; там ждали этого сообщения.

По мере того как события дня оформлялись в уме Дэвиса, он писал, откладывая на стол страницу за страницей. Время от времени он поглядывал в окошко перед собой — там вдали, на склоне холма, мерцал одинокий огонек. Порой Дэвис вставал и выходил узнать, нет ли чего

нового, не изменилось ли в каком-нибудь смысле положение. Но как будто ничего нового не происходило. Дэвис решил не ложиться до тех пор, пока не уверится, что по крайней мере на эту ночь всякая опасность трагического конца миновала. Телеграфист бродил кругом, поджидая, пока накопятся новые страницы для передачи, и следя за тем, чтобы не отставать от репортера. За это время они успели подружиться.

Наконец репортаж был закончен. Дэвис попросил Сиви предупредить ночного редактора, что, если до часу ночи что-нибудь случится, ему немедленно протелеграфируют; но выпуска пусть из-за этого не задерживают, потому что, может быть, ничего и не будет. Тотчас пришел ответ: Дэвису предлагали оставаться в Болдуине и ждать дальнейшего развития событий. После этого они с почтмейстером уселись и стали болтать о том о сем.

Часов в одиннадцать, когда оба уже решили, что никаких событий больше не будет — по крайней мере в эту ночь, — когда почти все огни в деревне погасли и на землю спустилась самая чистая, самая летняя, самая сельская тишина, внезапно с северо-запада, с той стороны, где, как теперь уже знал Дэвис, была дорога на Сэнд-ривер, донесся чуть слышный топот копыт, как будто оттуда приближался значительный верховой отряд. Почтмейстер сразу вскочил, Дэвис тоже, оба вышли на улицу и стали прислушиваться. Звук все близился, все нарастал.

— Может быть, это подмога шерифу, — сказал почтмейстер, — но только навряд ли. Я сегодня уже шесть раз телеграфировал в Клейтон. Да и не с этой стороны им ехать. Не та дорога.

«Вот так так, — в тревоге подумал Дэвис, — пожалуй, все-таки будет что прибавить к посланному отчету». А он-то уже надеялся, что все кончено! Какая мерзость — эти линчевания! С какой стати люди так поступают, кто дал им право брать закон в свои руки, — сейчас Дэвис больше, чем когда-либо, чувствовал уважение к закону. Все это так грубо, так жестоко. Этот негр, который сейчас, наверно, притаился где-нибудь в темноте и дрожит от страха, шериф, который стоит настороже, пытаясь уберечь арестованного и выполнить свой долг, — обо всем этом очень невесело думать, если вспомнить, какая, может быть, надвигается развязка. Ну, хорошо, было совершено преступление, преступление, конечно, ужасное, но почему надо вмешиваться в действия правосудия? Судебная власть достаточно сильна и может сама управиться.

— Сюда едут, — зловеще произнес почтмейстер, и оба они поглядели в ту сторону, откуда все громче доносился топот. — И это не подмога из Клейтона!

— Боюсь, вы правы, — ответил Дэвис; что-то подсказывало ему, что теперь беды не миновать. — Вот они!

В ту же минуту с топотом копыт, со скрипом седел по дороге промчался большой отряд всадников и свернул в узкую улицу; впереди всех скакали бок о бок Джейк Уитекер и бородатый старик в широкополой черной шляпе.

— Это Джейк, — сказал почтмейстер, — а рядом его отец. Ну, теперь будет потеха! Старик-то крутого нрава, настоящий кипяток!

Дэвис понял, что, пока он писал свою корреспонденцию, события приняли другой оборот. Должно быть, молодой Уитекер вернулся в Счастливую Долину и собрал новую партию или разыскал ту, с которой был его отец.

Тотчас деревня снова оживилась. Всюду зажигались огни, распахивались двери и окна. Люди высовывались из окон и выбегали на улицу, все хотели знать, что происходит. Дэвис отметил, что у вновь прибывших совсем не было того легковесного задора, который отличал первый отряд преследователей. Эти, наоборот, были мрачны и молчаливы, и Дэвис впервые почувствовал, что это начало конца. Когда кавалькада промчалась по улице к дому шерифа, где теперь во всех окнах было темно, Дэвис пустился следом и прибежал на место всего двумя-тремя минутами позже. Часть всадников уже спешила. Со всех сторон сбегался народ. Но шериф, видно, был начеку; он не спал, и как только перед воротами собралась толпа, тотчас в доме вновь загорелась лампа.

При свете луны, стоявшей теперь почти прямо над головой, Дэвис ясно видел лица вновь прибывших. Нескольких человек он узнал — это были его спутники из той компании, с которой он сам ездил. Но много было и таких, которых он раньше не видел, — и среди них выделялся старик, отец Джейка. Он был крепкого сложения, с проседью в густых волосах, с окладистой бородой. По виду он смахивал на кузнеца.

— Следите за стариком, — посоветовал почтмейстер, который тоже прибежал и стоял теперь рядом с Дэвисом.

Как раз в это время старик выступил вперед, смело подошел к крыльцу и постучал в дверь.

— Эй! Кто там есть! — крикнул он и снова постучал.

— Что вам нужно? — ответил голос.

— Нам нужен негр!

— Негра вы не получите. Я уже вам сказал.

— Давай его сюда, не то я дверь выломаю! — крикнул старик.

— Попробуй! Я знаю тебя, Уитекер, и ты меня знаешь. Сойди сейчас

же с крыльца. Даю тебе две минуты.

— Подавай негра, слышишь?

— Если ты не сойдешь с крыльца, я выстрелю сквозь дверь, — угрожающе произнес голос. — Раз, два...

Старик попятился и отошел в сторону.

— Выходи, Мэтьюс! — заревела толпа. — Негра ведь все равно отдашь. Без этого не уйдем.

Дверь медленно растворилась. Тот, кто ее отворял, видимо, был уверен в своей власти над толпой. Один раз он уже справился с ней, почему бы ему не справиться и теперь? Показалась высокая фигура шерифа с двустволкой. Он спокойно огляделся и заговорил со стариком почти дружеским тоном.

— Я не могу отдать его, Морган, — сказал он. — Это против закона. Ты это знаешь не хуже меня.

— Против или не против, — ответил старик, — а мы требуем негра!

— Я тебе говорю, что не могу его отдать. Это против закона. И совсем тебе не пристало шататься здесь по ночам и устраивать беспорядки.

— Хорошо. Тогда я его сам возьму, — сказал старик и сделал шаг вперед.

— Стой! — крикнул шериф, мгновенно вскидывая ружье. — Пристрелю, как собаку!

Толпа вдруг притихла. Шериф опустил ружье в уверенности, что опасность миновала.

— И не стыдно вам, — сказал он, распекая их совсем уж по-приятельски, — не стыдно вам, порядочным людям, нарушать закон?

— А он не нарушил закона? — насмешливо крикнул кто-то.

— Вот закон его и покарает, — ответил Мэтьюс.

— Отдай нам этого мерзавца, Мэтьюс, — сказал старик. — Отдай добром. Не доводи до беды.

— Я не намерен вступать с тобой в споры, Морган. Сказано, не дам, значит, не дам. Хотите, чтоб пролилась кровь? Хорошо. Но уж на меня не пеняйте. Первого, кто подойдет, уложу на месте.

Он взял ружье на прицел и застыл в ожидании. Толпа глухо роптала по ту сторону изгороди. Старик медленно повернулся, отошел к остальным и начал с ними переговариваться.

Ропот толпы стал громче. Старик опять вышел вперед и остановился у заветной черты.

— Мы не хотим устраивать беспорядки, Мэтьюс, — примирительно начал он, сопровождая свою речь ораторскими жестами. — Мы только

хотим тебе объяснить, что упрямитесь тебе нет никакого смысла. Мы считаем...

Дэвис и почтмейстер уже с минуту следили за Джейком: что-то в его манере привлекло их внимание. Он стоял в толпе, держась с краю и, видимо, стараясь оставаться незамеченным. Весь подавшись вперед, он не сводил глаз с шерифа, который слушал, что говорит старик. В тот миг, когда шериф, казалось, смягчился и бдительность его притупилась, Джейк вдруг рывком бросился к крыльцу. По толпе словно прошла волна — ясно было, что этот ход может решить все. Шериф быстро вскинул ружье. Он разом спустил оба курка, но Джейк уже был тут, он поддал стволы кверху и схватился с шерифом. Две красные вспышки — оба заряда, не причинив никому вреда, с визгом пронеслись над головами, — и тут все ринулись в атаку. Люди перепрыгивали через изгородь и устремлялись к дому, они окружили его со всех сторон, а гуще всего столпились у крыльца, где четверо врукопашную боролись с шерифом. Он скоро сдался, осыпая своих противников бранью и суля им всяческие кары. Принесли факелы и веревку. Подъехал фургон, и его задом завели во двор. Потом принялись искать негра.

Глядя на все это, Дэвис ни на миг не забывал о негре. Вот он сидит в погребе, в углу, скорчившись, дрожа за свою жизнь. Он, разумеется, уже понял, что конец близок. Вряд ли он забылся сном или потерял сознание за все предшествовавшие часы тишины и относительного спокойствия, нет, он, наверно, все время прислушивался, ждал, молился. И все время дрожал, что шериф не успеет его увезти. А сейчас, когда он опять услышал конский топот, голоса, крики, как он, наверно, дрожит всем телом, как у него стучат зубы!..

— Не хотел бы я быть на месте этого негра, — мрачно заметил почтмейстер. — Но с ними ничего не поделаешь. И почему из Клейтона не прислали подмогу!

— Это ужасно, ужасно!.. — только и мог вымолвить Дэвис.

Он тоже вслед за толпой подошел к дому, боясь упустить какую-нибудь подробность. В это время кучка людей, разгоряченных, как гончие на охоте, подбежала, неся веревку, к низкому входу в погреб, видневшемуся сбоку от дома. За ними побежали другие с факелами. Во главе с Уитекерами, отцом и сыном, они стали спускаться в черное зияющее отверстие. Набравшись смелости, Дэвис последовал за ними. Он твердо решил досмотреть все до конца, хотя и не был уверен, что ему позволят.

И вдруг в дальнем углу он увидел Инголса. Тот сидел на корточках, сжавшись в комок, в такой позе, как будто готовился прыгнуть. Ногтями он

впился в землю. Глаза у него выпучились, на губах выступила пена.

— Господи, господа, — стонал он, уставившись на пламя факелов немигающими, как у слепого, глазами. — Господи, господа, не убивайте меня!.. Я больше никогда!.. Я не хотел! Я даже и не думал! Я тогда пьяный был! О, господа, господа!.. — Зубы у него громко стучали, хотя рот был разинут. Он не помнил себя и только твердил, как помешанный: — Господи, господа!..

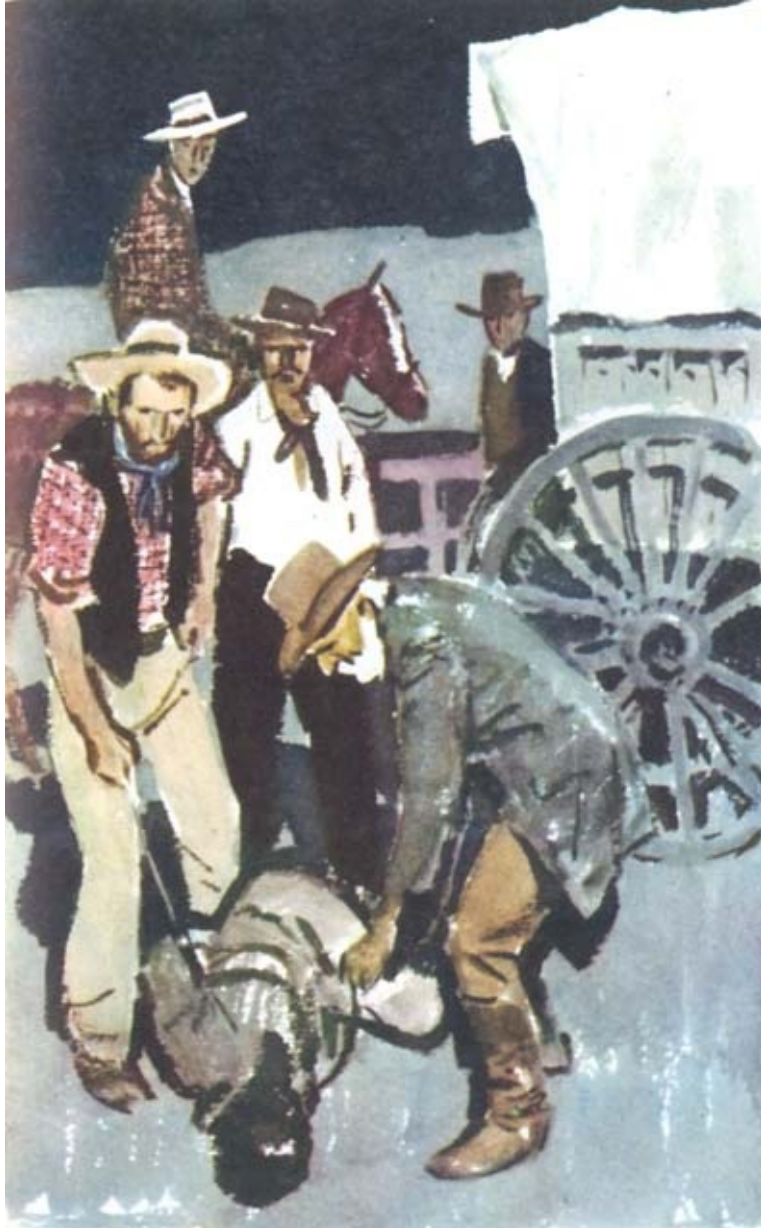
— Он тут, ребята! Тащите его наверх! — закричал старый Уитекер.

Негр издал вопль ужаса и упал ничком. Он как-то подпрыгнул при этом, и тело его глухо ударилось о земляной пол. Рассудок его покинул. На земле корчилось и исходило пеной обезумевшее животное. Сознания в нем оставалось ровно настолько, чтобы чувствовать на себе неумолимый взгляд своих преследователей.

Дэвис, которого это зрелище прогнало обратно на заросший травой двор, стал шагах в десяти от входа в погреб, и вскоре оттуда начали появляться люди, после того как они схватили и связали негра. Потрясенный до глубины души, Дэвис все же сохранял способность холодного наблюдения, которая вырабатывается у настоящего, опытного репортера. Даже сейчас он отмечал про себя краски и живописные детали этой сцены: багровое дымное пламя факелов, беспорядок в одежде у выходивших, их странные жесты — они что-то дергали и тащили... Вдруг он зажал рот ладонью, едва ли сознавая, что делает.

— Боже мой! — вскрикнул он, и голос его оборвался.

Негр с налитыми кровью глазами, с пеной у рта, с конвульсивно дергающимися руками. Его обвязали поперек тела веревкой и волокли ногами вперед, а голова билась о ступеньки. Черное лицо почти уже не походило на человеческое.

— Боже мой! — прошептал опять Дэвис, кусая пальцы и сам того не чувствуя.

Толпа сгрудилась еще плотней, созерцая дело своих рук и, кажется, испытывая скорее ужас, чем торжество. Но ни у кого не хватило мужества или милосердия сказать хоть слово против. С какой-то машинальной расторопностью негра подняли и, словно мешок с зерном, швырнули в фургон. Отец и сын забрались на козлы, остальные отвязывали лошадей и садились в седла, потом в молчании потянулись следом за фургоном. Все это не были привычные участники судов Линча — такое заключение впоследствии вывел Дэвис, — скорее, просто любопытные зрители, которые рады были всякому случаю встряхнуться и развеять скуку своего

однообразного существования. Для многих, а пожалуй что и для всех, линчевание было в новинку. И Дэвис, как ни был он потрясен и напуган всем виденным, тоже побежал за своей лошадью, сел верхом и поплелся в хвосте отряда. От волнения он сам плохо понимал, что делает.

Молчаливая кавалькада медленно двинулась по проселочной дороге на Сэнд-ривер, туда же, откуда прибыла. Луна стояла еще высоко, заливая землю серебристым светом. Дэвис задумался было над тем, какое добавление протелеграфировать в газету, но потом решил, что все равно ничего не выйдет. Когда все кончится, будет уже слишком поздно. Сколько нужно времени, чтобы повесить человека? Да неужто его на самом деле повесят? Все это казалось таким нереальным, таким чудовищным, — он не мог поверить, что это происходит на самом деле и что он сам принимает в этом участие. Однако процессия неуклонно подвигалась вперед.

— Неужели его повесят? — спросил Дэвис того, кто ехал с ним рядом. Этот человек был Дэвису совершенно незнаком, но, по-видимому, не находил его присутствие неуместным.

— А для чего же все затевали? — ответил тот.

И подумать, мелькнуло в голове у репортера, что он-то, Дэвис, завтра вечером будет лежать в мягкой постели у себя дома в К.!

Дэвис опять немного отстал и примолк, стараясь успокоиться. Он все еще не мог привыкнуть к мысли, что он, знавший до сих пор только городскую жизнь с ее однообразием и банальностью, с ее, по крайней мере, внешней общественной упорядоченностью, участвует в таком деле. Ночь была так мягка, воздух так чист! Свежий ночной ветер колыхал темную листву деревьев. Как можно допустить, чтобы человека постигла такая смерть? Почему жители Болдуина или других соседних деревень не встали на защиту закона, хотя нужно было только одно — не мешать его исполнению! Сейчас отец и брат девушки казались Дэвису просто дикими зверями, а обида, нанесенная дочери и сестре, совсем уж не такой ужасной. С другой стороны, обычай, по-видимому, требует именно такой кары. Это как аксиома, математический закон. Жестоко, да; но таков обычай. Молчаливая процессия, в которой было что-то бездушное, механическое и поэтому страшное, двигалась все дальше. В ней тоже было что-то от аксиомы, от математики. Немного погодя Дэвис подъехал поближе к фургону и еще раз взглянул на негра.

Тот, как Дэвис с облегчением заметил, казалось, все еще не приходил в чувство. Он тяжело дышал и стонал, но едва ли от осознанной боли. Глаза у него были стеклянные и неподвижные, лицо и руки в крови, как будто их исцарапали или истоптали каблуками. Он лежал, безжизненно

распластавшись на дне фургона.

Но тут выносливости Дэвиса пришел конец. Он придержал лошадь, стараясь побороть тошноту, подступавшую к горлу. Нет, довольно уж наблюдать. Это омерзительно, это бесчеловечно! Но процессия все двигалась, а он все ехал следом — мимо полей, белых от лунного света, под темными деревьями, сквозь кроны которых лунные блики узором ложились на дорогу, все ехал и ехал, то поднимаясь на невысокие холмы, то спускаясь в долины, и наконец впереди заблестела речка — та самая, которую он уже видел днем, — а в отдалении показался мост, к которому все они, видимо, и направлялись. Речка бежала по ложине, вспыхивая искрами в ночном сумраке. Немного подальше дорога спускалась к самой воде и, перекинувшись по мосту через реку, продолжалась уже по тому берегу.

Процессия приблизилась к мосту и здесь остановилась. Фургон въехал на мост, отец и сын слезли с козел. Всадники почти все, в том числе и Дэвис, спешили, и человек двадцать обступили фургон; негра сбросили наземь, словно куль с мукой. «Какое счастье, — повторял про себя Дэвис, — какое счастье, что он все еще без сознания, хоть это подарила ему судьба!» Но сам Дэвис чувствовал теперь, что смотреть до конца он не в силах. Он отошел дальше по берегу, в сторону от моста. Нет, он, видно, все-таки не настоящий репортер. Но и оттуда, где он стоял, ему ясно видны были концы длинных стальных балок, выступавшие над водой; к одной из этих балок несколько человек привязывали веревку; и затем Дэвис увидел, что другой конец веревки они накинули на шею негру.

Наконец все отступили, и Дэвис отвернулся.

— Не хочешь ли что-нибудь сказать перед смертью? — спросил чей-то голос.

Ответа не было. Негр, должно быть, лежал и только стонал, так и не приходя в сознание.

Опять несколько человек зашевелились; они подняли что-то черное; обмякшее тело вдруг нырнуло вниз и, дернувшись, повисло; слышен был скрип натянувшейся веревки. В бледном лунном свете казалось, что тело корчится, но, может быть, это только казалось. Дэвис все смотрел, онемелый, с полураскрывшимся ртом; и вот наконец тело перестало содрогаться.

Немного погодя на мосту снова началось движение; судя по звукам, там готовились к отъезду; и минуту спустя все уехали, даже не вспомнив о Дэвисе, покинув его на опустевшем берегу, наедине с его мыслями. Только черное тело, что покачивалось в бледном свете над мерцающей водой,

только оно казалось живым и разделяло с ним одиночество.

Он присел на берегу и молча продолжал смотреть. Слава богу, весь этот ужас кончился. Этот несчастный больше не испытывает боли. Он больше не мучится страхом. А кругом какая красота, какое лето! Последний всадник исчез из виду, луна склонилась к краю неба. Лошадь Дэвиса, привязанная к дереву возле моста, терпеливо ждала. А он все сидел. Он мог бы поспешить обратно в Болдуин, в тесную почтовую контору, и передать по телеграфу дополнительные подробности, при условии, конечно, что ему удалось бы найти Сиви. Но это ни к чему. К номеру все равно не поспеет, да и вообще нет никакого смысла торопиться. Других репортеров, кроме него, не было, а завтра он напишет гораздо лучше, подробней, красочней, острее. Он вспомнил о Сиви и вяло удивился: почему тот не поехал с ними? Какая странная штука жизнь, как она печальна, загадочна, непостижима.

Он все сидел, пока не заметил, что уже начинается утро. Небо на востоке стало серым, потом бледно-сиреневым. Потом в нем проступили алые заревые тона, и над затихшей землей в вышине заиграли все великолепные краски небесных чертогов, повторяясь внизу в водах речки. Белая галька, устилавшая дно, теплилась розовым светом, трава и камыш, раньше черные, теперь стали прозрачно-зелеными. Только тело повешенного оставалось темным, резко выделяясь на фоне неба; оно заметно покачивалось под легким утренним ветром. Наконец Дэвис встал, забрался в седло и поехал по дороге в Счастливую Долину, так поглощенный происшедшим, что ничто другое уже не привлекало его внимания. Он разбудил хозяина конюшни, умиротворил его тем, что подробно рассказал о ночных событиях, поклялся, что берег лошадь как зеницу ока, уплатил пять долларов и ушел. Ему хотелось пройтись и еще подумать.

Дневных поездов не было, а свободное время следовало как-нибудь использовать. Поразмыслив, Дэвис решил, что лучше ему остаться до вечера, побродить по окрестности и разузнать еще кое-какие подробности. Интересно, например, кто снимет тело? Арестуют ли участников линчевания — хотя бы Уитекеров, отца с сыном? Что станет делать шериф? Приведет ли он в исполнение свои угрозы? Дэвис знал, что, если он сейчас в общих чертах сообщит в газету о развязке, редактор не станет пенять ему за опоздание. А день был так хорош, что не хотелось уезжать. Дэвис провел его в разговорах с местными жителями, съездил еще раз на ферму к Уитекерам, затем поехал в Болдуин повидать шерифа. Там все было до странности тихо и мирно. Шериф заверил его, что знает наперечет всех

участников и непременно добьется ордера на их арест, но Дэвису показалось, что свое поражение он принимает так же равнодушно, как в свое время принимал опасность. Особенно усердствовать он, видимо, не был склонен. Должно быть, не хотел восстанавливать против себя местное население.

Солнце уже садилось, когда Дэвис вспомнил, что так и не узнал, снято ли тело. И еще одно он позабыл узнать: зачем негр возвращался домой и как, собственно, его поймали. Поезд отходил в девять, время еще оставалось, и Дэвис решил этим воспользоваться. До места, где жил негр, было около двух миль, но в такой хороший вечер Дэвису захотелось пройти пешком, сосновой просекой. В последних лучах заходящего солнца длинные тени от распускающихся деревьев ложились поперек дороги. Дэвис довольно скоро добрался до одноэтажного домика, стоявшего поодаль от дороги и окруженного редкими деревьями. К этому времени уже совсем стемнело. Между дорогой и домом деревья были вырублены и сложены в штабель, а земля вся усеяна щепками. Крыша дома осела, в окнах кое-где виднелись бумажные заплатки; и все же тут ощущался домашний уют. Через распахнутую дверь виден был желтый огонь, пылавший в очаге: он наполнял всю комнату золотыми отсветами.

Дэвис в нерешительности постоял перед растворенной дверью, потом постучал. Не получив ответа, он ступил на порог и с любопытством оглядел поломанные плетеные стулья и остальную ветхую мебель. Перед ним было типичное негритянское жилище — картина неопишуемой нищеты. Через несколько минут дверь в глубине комнаты растворилась и вошла девочка-негритянка, неся в руках помятую жестяную лампу без стекла. Она не слыхала стука и вздрогнула от испуга, увидев в дверях темный силуэт. Подняв над головой коптящую лампу, чтобы лучше видеть, она подошла ближе.

Ее плоская, худенькая фигурка в клетчатом балахончике производила комическое впечатление, что не преминул отметить Дэвис. Руки и ноги ее были несуразно велики, на голове во все стороны торчали крохотные черные косички, перевязанные белыми тесемками. Черное личико казалось еще черней по контрасту с белыми зубами и белками глаз.

Дэвис с минуту смотрел на нее, но то, что при других обстоятельствах рассмешило бы его, на этот раз оставило равнодушным.

— Это здесь жил Инголс? — спросил он.

Девочка кивнула. Она была как-то очень тиха, и по лицу видно было, что она только что плакала.

— Тело уже здесь?

— Да, сэр, — промолвила она с мягким негритянским выговором.

— Когда его привезли?

— Сегодня утром.

— Ты его сестра?

— Да, сэр.

— Скажи, девочка, как это вышло, что его поймали? Когда он вернулся домой и зачем? — Ему было немного стыдно донимать ее расспросами.

— Вчера днем, в два часа.

— А зачем? — повторил свой вопрос Дэвис.

— Повидаться с нами, — ответила девочка. — Маму повидать.

— Да нет, что ему было нужно? Ведь не за этим же одним он пришел.

— За этим, сэр, — сказала девочка. — Чтобы проститься. А как его поймали, мы не знаем. — Голос ее задрожал.

— Но ведь он же понимал, что его могут поймать? — участливо спросил Дэвис, видя ее волнение.

— Да, сэр, понимал.

Она все время стояла очень тихо, держа обеими руками свою жалкую помятую лампу и глядя в землю.

— Он что-нибудь важное хотел вам сказать? — спросил Дэвис.

— Нет, сэр. Сказал только, что маму хотел повидать. И что ему придется уехать куда-то далеко.

Девочка, по-видимому, принимала Дэвиса за какое-то официальное лицо, и он не стал ее разуверять.

— Можно взглянуть на тело? — спросил он.

Девочка ничего не ответила, но повернулась к двери, как будто хотела показать ему дорогу.

— Когда похороны? — спросил он.

— Завтра.

Она провела его через пустую каморку, больше похожую на сарай, чем на жилую комнату, затем еще через одну или две такие же клетушки. Последняя, очевидно, служила складом для всякого хлама. В ней было несколько окошек, но все без стекол, кое-как заколоченных снаружи досками; сквозь щели лунный свет свободно проникал в комнату. Идя вслед за девочкой, Дэвис с удивлением задавал себе вопрос: куда же они в конце концов положили тело и почему в доме так тихо и пусто? Можно было подумать, что тут и нет никого, кроме девочки с косичками. Соседи-негры, если они имелись, наверно, напуганы и не смеют сюда показаться.

Но всего пустынной была эта последняя комната, холодная, темная, с заколоченными окнами. Вид у нее был уж совсем не жилой: чулан или

прачечная. Посредине, одним концом на стул, другим на ящик, была положена гладильная доска, а на ней лежало тело, прикрытое белой простыней. Углы комнаты тонули во мраке. Только на середину ложились пятна серебряного света.

Дэвис направился туда, а девочка вышла, унося с собой лампу. Должно быть, она решила, что луна достаточно освещает комнату, а самой здесь оставаться ей было жутко. Свет и правда был довольно ярким, и Дэвис смело откинул простыню и взгляделся в застывшее черное лицо. Даже сейчас, даже мертвое, оно было страшно искажено, а на шее ясно виден след от веревки. Полоса холодного лунного света ложилась на лицо и грудь. Дэвис уже хотел опустить простыню, как вдруг не то вздох, не то стон донесся до его слуха.

Дэвис вздрогнул — таким неожиданным был этот вздох, так странно и призрачно прозвучал он в темной комнате. Все мышцы его напряглись, сердце бешено заколотилось. В первую минуту ему почудилось, что звук этот исходил от мертвеца.

— О-о-ох! — снова прошелестело в темноте, и на этот раз со всхлипыванием, словно кто-то плакал.

Дэвис быстро повернулся, — теперь ему показалось, что звук шел сзади, из дальнего правого угла. Чувствуя, что холодок бежит у него по спине, он шагнул туда и, взглядевшись, различил в углу какую-то тень, как будто на полу у самой стены, скорчившись, сжавшись в комок, сидела женщина.

— Ох! Ох! Ох! — прозвучало снова, еще жалобней, чем раньше.

Дэвиса осенила наконец догадка. Он медленно подошел и тотчас раскаялся в этом, — перед ним, согнувшись и уронив голову на колени, сидела и плакала старая негритянка. Она забилась в самый уголок и словно замерла так.

— Ох! Ох! Ох! — снова простонала она, когда он уже стоял рядом.

Дэвис бесшумно отступил. Перед лицом такого горя те побуждения, которые заставили его проникнуть в дом, казались черствым и пустым любопытством. Безвинное страдание матери, ее любовь — как подсчитать цену этой скорби? Слезы навернулись у него на глазах. Он торопливо оправил простыню и вышел.

Он быстро зашагал по облитой лунным светом дороге, но вскоре остановился и оглянулся назад. Темная хибарка с единственным своим золотым глазом — распахнутой дверью, — какой жалкой она казалась! Плачущая старуха негритянка, одна-одинешенька в своем углу, и сын, который только затем вернулся домой, чтобы попрощаться с нею! Волнение

переполняло Дэвиса. Ночь, ужас смерти, скорбь — теперь все это раскрылось перед ним. И однако, с бессердечием пробуждающегося художника он уже и сейчас обдумывал, какой рассказ из всего этого можно сделать: колорит, пафос... Одному, во всяком случае, его научило тяжкое горе этой матери, чья вина была ничтожна, — да и была ли на ней какая-нибудь вина! — что не всем воздаяние мерится точной мерой и что дело писателя не судить, а понимать жизнь И рассказывать о ней.

— Я обо всем этом напишу! — воскликнул он наконец с глубоким чувством и вместе с торжеством. — Я обо всем этом напишу!

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)